

УДК 821.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-128-138

Образ национального пейзажа в повести И. С. Шмелева «Богомолье»

Е. Ю. Шестакова

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета
в г. Северодвинске, г. Северодвинск, Россия

✉ shestackova.lena2013@yandex.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении своеобразия художественного воплощения образа национального пейзажа в повести «Богомолье» писателя первой половины XX века Ивана Сергеевича Шмелева. Актуальность исследования определяется очевидно нарастающим интересом в современном литературоведении и научной сфере к богатому творческому наследию писателя, стремлению раскрыть оригинальность, уникальность, самобытность его таланта, многогранность художественного мира. Методами предпринятого исследования стали описательный, интерпретационный, биографический. Полученные в ходе литературоведческого анализа результаты показали, что образ национального пейзажа, представленный в повести И. С. Шмелева «Богомолье», содержит двухплановую структуру, соединяет реалистический и идеальный уровни. Это объясняется спецификой детского мировосприятия, поскольку образ природы дан сквозь призму взгляда героя-ребенка. Трактовка темы родного пейзажа строится на основе мотива красоты, актуализированного в установке на изображение восхищения маленьким героем неповторимостью, очарованием, изяществом окружающего мира. Дискурс автора, включенный в текст, привносит в повествование черты идеализации, связанные с мотивом воспоминаний об ушедшем детстве и утраченной в социальных катаклизмах Родины. Образ русской природы в повести «Богомолье» развивает мотивы тишины, покоя, радости, радостного восхищения природным миром, чуда, сказочности, одухотворенности. Лейтмотивными в поэтике произведения являются пейзажные образы солнца, света, ослепительного блеска, сближающиеся с мотивом радости и образом «золотого» детства. Важной цветовой доминантой в повести «Богомолье» становится розово-золотая, белая и синяя гаммы, оттеняющие представление об освященности Божьего мира и перекликающиеся с ностальгическими мотивами. Исполненные символизма образы Пасхи и мотив пасхальной радости вводят в текст тему вечной жизни, спасения и воскресения.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, русская литература, литература русского зарубежья, детство, образ детства, герой-ребенок, детские образы, образ природы, образ национального пейзажа, повесть «Богомолье».

Для цитирования: Шестакова Е. Ю. Образ национального пейзажа в повести И. С. Шмелева «Богомолье». Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 128–138. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-128-138

The image of the national landscape in the short novel "Pilgrimage" by Ivan Shmelev

E. Yu. Shestakova

Humanitarian Institute of the Severodvinsk Branch of the Northern (Arctic) Federal University,
Severodvinsk, Russia

✉ shestackova.lena2013@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to examine the peculiarities of the artistic embodiment of the national landscape image in the short novel "Pilgrimage" by Ivan Sergeevich Shmelev, a writer of the first half of the 20th century. The relevance of the study is determined by the apparently growing interest of modern literary and scientific circles in the rich creative heritage of the writer, the desire to reveal the originality, uniqueness and singularity of his talent, the versatility of the artistic world. The research methods used were descriptive, interpretative and biographical. The results of the literary analysis show that the image of the national landscape presented in the "Pilgrimage" by I. S. Shmelev has a two-dimensional structure, combining realistic and ideal levels. This is explained by the peculiarity of children's view of the world, as the image of nature is given through the prism of the child protagonist's point of view. The treatment of the theme of the native landscape is based on the motif of beauty, updated in the setting of the young hero's admiration for the uniqueness, charm and elegance of the surrounding world. The author's discourse, included in the text, brings to the narrative features of idealisation, associated with the motif of memories of a bygone childhood and a homeland lost in social cataclysms. The image of Russian nature in "Pilgrimage" develops the motifs of silence, peace, joy, joyful admiration of nature, wonder, fairy tale and spirituality. The leitmotifs in the poetics of the work are the landscape images of sun, light, dazzling brilliance, which converge with the motif of joy and the image of "golden" childhood. In "Pilgrimage", the dominant colour is the rose-gold, white and blue scale, which shades the idea of the sacredness of God's world and echoes nostalgic motifs. The symbolic images of Easter and the motif of Easter joy introduce the theme of eternal life, salvation and resurrection into the text.
Keywords: Ivan Sergeevich Shmelev, Russian literature, Russian émigré literature, childhood, image of childhood, child protagonist, children's images, image of nature, image of the national landscape, the short novel "Pilgrimage".

For citation: Shestakova E. Yu. The image of the national landscape in the short novel "Pilgrimage" by Ivan Shmelev. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 128–138. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-128-138

Введение

Творческий путь писателя русского зарубежья Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) разделен историческими событиями 1917 г., породившими вынужденную эмиграцию и расставание с горячо любимой Родиной. Охваченный чувством острой ностальгии, писатель создает повесть «Богомолье», ведущей художественной установкой которой явилось изображение детства верующего ребенка, включенного в контекст жизни православной России. Произведение носит автобиографический характер. Образ национального пейзажа в произведении становится неотъемлемой частью духовно-нравственного бытия русского человека. В теме русской природы писатель «видит опору для пошатнувшейся духовности человека» [1, с. 161].

Актуальность темы исследования определяется пристальным вниманием современных литературоведов к творчеству И. С. Шмелева. Определены следующие задачи исследования: 1) обозначить хронотопическую структуру повести И. С. Шмелева «Богомолье», определяющую специфику решения темы природы; 2) раскрыть повествовательные дискурсы произведения; 3) выявить своеобразие детского восприятия окружающего мира, отраженного в тексте; 4) отразить особенность авторского дискурса, обращенного к образу национального пейзажа.

Пейзаж стал главным направлением в литературоведческих исследованиях Е. А. Аникейчик [1], Д. А. Богач [2], Р. А. Воронина [3], Б. Е. Галанова [4], Т. Я. Гринфельд-Зингурс [5], Л. В. Гурленовой [6, 7], Т. А. Дьяковой [8], М. Н. Эпштейн [9]. Исследованию проблемы пейзажа в повести И. С. Шмелева «Богомолье» посвящены труды Х. Баяна [10], Е. Н. Давыдовой [11], Е. А. Коршуновой [12], А. М. Любомудрова [13], Д. В. Макарова [14], Т. В. Марченко [15], О. С. Мерцаловой [16], Е. Г. Рудневой [17], Н. С. Степановой [18] и др. Вместе с тем вопрос о специфике пейзажа в повести И. С. Шмелева «Богомолье» не является полностью исчерпанным.

Методология осуществленного исследования включает в себя основные литературоведческие методы. Сравнительно-исторический метод позволил обозначить исторический, социальный и культурный контексты, оказавшие значительное влияние на создание повести. Изучение творческого и жизненного пути писателя в рамках биографического метода помогло раскрыть специфику художественного видения автора, проявленного в «Богомолье». С помощью метода целостного анализа текста обозначены особенности эпохи, своеобразие художественного мира произведения, хронотопической структуры и т. д. Последовательное описание анализируемого материала, его систематизация решены в рамках описательного и интерпретационных методов.

Материалом исследования явилась повесть И. С. Шмелева «Богомолье» (1930–1931). Практическая значимость работы заключается в расширении представлений о многогранности художественного мира писателя. Результаты исследования могут быть полезны в изучении курса русской литературы в вузах и школах.

Результаты исследования. Особенности хронотопической структуры повести «Богомолье» и образ природы

Цельность композиционной структуры повести «Богомолье» поддерживается хронотопом дороги и образом летнего пейзажа. Время действия произведения ограничивается несколькими июньскими днями. Путь паломников (героя-ребенка, его воспитателя плотника Михаила Панкратовича Горкина, конюха Антипушки, бараночника Федя, банщицы Домны Панферовны, ее внучки Анюты) начинается в Замоскворечье, продолжается в Москве, преимущественно проходит по Троицкой дороге и заканчивается в Троице-Сергиевой Лавре. Движение по направлению к Лавре «переживается автором и персонажами как личный мировоззренческий путь» [19, с. 5].

Итак, образы пути и летней природы становятся определяющими в хронотопической структуре произведения. Паломничество, совершаемое героем, позволяет автору наиболее полно изобразить картины родной природы. Одновременно с этим герой-ребенок и автор-повествователь совершают внутреннее, духовное путешествие. Летний пейзаж ассоциативно связан с образом «золотого детства» и мотивом красоты окружающего мира.

Повествовательные дискурсы текста и пейзажная образность

Каждый из пространственных пейзажных ориентиров описывается из перспективы ребенка, чья точка зрения в повествовательной структуре произведения является преобладающей, за исключением редких вкраплений «голоса» зрелого автора. Доминирующее детское мировосприятие привносит в изображаемый пейзаж мотивы радости, чуда, сказочности, одухотворенности, тему открытия мира. Если маленький герой излагает свои впечатления из настоящего времени, то взрослый повествователь

занимает ретроспективную позицию, включая в природоописательные картины ностальгические мотивы и тему памяти.

Следовательно, доминантной особенностью повествовательного дискурса повести «Богомолье» является наличие двух точек зрения – героя-ребенка и автора-повествователя. Взгляд маленького героя на природу выстраивается из настоящего времени, взрослого повествователя – из настоящего в прошлое, которое навсегда утрачено.

Специфика детского восприятия образа природы в произведении

Преобладающими характеристиками природных образов в повести становятся визуальные и обонятельные ощущения героя-ребенка, переданные упрощенно («красная смородина», «пахнет дорогой», «пахнут фиалочки ночные», «густо пахнет березой, сеном, какими-то горькими цветами») и одновременно с использованием сложных конструкций и изобразительных средств («светло-зеленая гладь», «словно там льется золото», можжевелник «пахнет душистым ладаном», «золотятся крупные бубенцы», разряд грома «трещит, словно ворох лучины бросили») [20, с. 410]. Все это свидетельствует о наделенности юного рассказчика острой наблюдательностью, способностью глубоко чувствовать и понимать красоту окружающего мира.

Общение с народом вносит в природную картину, воспринимаемую мальчиком, народно-поэтическую образность («красавица зорька», которая «в небе загорелась»; выходящее из «большого леса <...> солнышко; «лежим на траве-мураве») [20, с. 410]. Юный путешественник учится народным приметам, помогающим узнать будущее природное ненастье. Так, он на собственном опыте постигает, что кукушки предвещают грозу. Образы птиц, животных, насекомых сопровождают маленького героя во всем его пути, крик петуха служит началом паломничества, пчелы жужжат на цветах, голос кукушки «обмыло дождем» и она стала «гулкая» [20, с. 459], медведь когда-то доверчиво приходил к Преподобному.

Образ солнца, света и мотив солнечного летнего дня интенсивно развернуты в текстовых пейзажных зарисовках. По словам И. А. Ильина, «здесь все пронизано благодатным, врачующим светом: и слово, и образы, и та последняя предметная глубина, ради которой пропето это повествование» [21, с. 50]. Восходящее утреннее солнце, окрашивающее природное пространство в розовые, красные и золотые цвета, знаменует не только начало паломнического пути, но и зарю жизни маленького героя. Отсюда обилие эпитетов «первый», «свежий», «молодой», применяемых к образам зеленого лука, утренней прохлады, царящей в Часовне Иверской Божией Матери и лавках. Мотив чистоты и образ «лучезарного света», разлитого в «голубом, глубоком небе» [20, с. 437], в запахе березовых листьев, травы, цветов, соотносится с внутренним духовным состоянием ребенка, его безгрешностью и безмятежностью.

В первых главах повести развернуты преимущественно реалистичные пейзажные картины. Герой передает свои радостные впечатления от первого утра перед предстоящим путешествием, предвкушает будущую встречу с Лаврой и Преподобным, описывает московские улицы, по которым проезжает, часовни, храмы, Кремль, Соборы, лавки. Розово-золотая, белая и синяя колористические гаммы, мотивы света, дымки, легкого тумана, тишины имеют отчетливо выраженную реалистическую мотивировку, связанную с восходом утреннего летнего солнца и начинающегося дня. Однако уже здесь намечается отступление от изображения обыденной природной картины, появляются детали «эмоционально-смысловых природоописаний» [22], определяемых настроением героя-ребенка («воздух пахнет как будто радостью», «на дворе весело от солнца»), и образ одухотворенного пейзажа («воздух – как облака, кадильный», «священный Кремль», «свечи над ним (Замоскворечьем – Е. Ш.) мерцают – белые колоколенки с крестами») [20, с. 411, 416]. Далее в тексте цветовые характеристики пейзажных образов преимущественно будут «пронизаны православным духом» [23, с. 16].

В начальных главах повести появляется образ Троицкой колокольни, возникающий как образ-мечта, образ-греза. Его необычность подчеркивается словом Там, обозначающим принципиальную пространственную противопоставленность настоящей действительности, в которой пребывает герой. Троице-Сергиева Лавра с центральной Троицкой колокольней представляется мальчику миром духовной чистоты, красоты, света и веры. Начиная с главы «Богомольный садик», эмоциональные природоописания и «теологический пейзаж» [24] получают в повести наиболее полное развитие. Троицкая дорога осмысливается «святой», от травы исходит «вялый и теплый запах, как на Троицын день в церкви», небо – «как на святых картинках», его голубой цвет получает оценку «чудесного» и «радостного» [20, с. 429]. Здесь голубой (синий) цвет выражает «трансцендентное, неземное» начало, «символизирует непостижимость тайны и вечную божественную истину», «становится художественным способом передачи информации о высшей истине христианства» [23, с. 16]. Радостью, чувством духовного родства, настроением общей веры в «Богомолье» охвачены и люди, и животные: «И люди ласковые такие, все поминают Господа, <...> будто мы все родные. <...> Хрюкают в сараюшке свиньи, гогочут гуси, словно встречают нас» [20, с. 419]. Лошадь Кривая с удовольствием слушает молитвенные «стишки», «и ей хорошо, как нам» [20, с. 428].

Весь текст повести может быть интерпретирован сквозь мотив восхищения красотой окружающей природы. Герой-ребенок отмечает обилие цветов («крупные белые ромашки», «синие колокольчики», «кашка, бубенчики, морковник, купырники, свербика, белоголовничек»), ягод («горит красными огоньками смородина»), травы («гуще каши»), «густой, горячий, совсем медовый воздух» [20, с. 429]. При этом мотив красоты не становится доминирующим в тексте, автору важно раскрыть освященность, омоленность изображаемого пейзажного пространства. Описывая ягоды земляники, ребенок выделяет не столько их яркий цвет (красные и розовые), издаваемый чудесный звук («они шуршат, будто позванивают»), аромат («пахнет так сладко»), но прежде всего их «святость» – «радостным богомольем пахнет», «земляничка божия» [20, с. 435–436]. Метафора «душистые огоньки живые» подчеркивает одухотворенность прекрасного творения Божия. Образ красного (розового) цвета в данном случае выражает значение «тепла, любви, жизни, животворной энергии» [23, с. 16]. Не случайно с образом земляники в повествовательную структуру повести впервые входит дискурс автора, выражающего собственные впечатления-воспоминания, полные света и любви: «И до сего дня помню радостные те ягодки, на солнце» [20, с. 436]. Образ отца в детском восприятии также связывается с «чудесным» земляничным запахом, ароматом любви и красоты.

Образ речной воды видится герою необыкновенно красивым («в колком блеске из серебра») и «святым» («на струйках играют-сверкают крестики», «речка кажется мне святой») [20, с. 429]. Мотив «живой воды» вводит в текст повести тему сказки и связанного с ней чуда. В детском восприятии событие религиозного чуда (исцеления духовного и телесного, получаемого после омовения с молитвой в святом источнике) соединяется со сказочными сюжетами о «живой воде» и бытующими в народе слухами о кладе разбойников. В этом эпизоде акцентируется антиномия воды в реке Яуза, протекающей в Москве («Яуза черная и вонючая») и на Троицкой дороге («Яуза тут родится, от родников») [20, с. 429]. Образ «Москвы-ада», пребывающей в суеде и греховности, противопоставляется «белой» «святой» Троицкой дороге и Троице-Сергиевой Лавре с их мирной тишиной, внутренней и внешней упорядоченностью, чистотой и светом.

Образ «розово-золотого» природного мира на Троицкой дороге обретает ярко выраженное символическое звучание, воплощает значения любви, радостного детства, «светоносности» и «Божьей благодати» [23, с. 16]. На «святом» пути одухотворено все: и «золотая пыль», поднимаемая проходящим табуном овец, и «багряно золотящиеся избы» крестьян, и «розовые куры», и «розово-золотистые соломенные крыши и березы» [20, с. 438]. Начиная с главки «У креста», образ-символ розово-золотистого цвета

осложняется образом Пасхи и мотивом пасхальной радости. Образ «утреннего солнца» сравнивается с таким «праздничным», каким оно бывает в «Светлый день» [20, с. 447]. Запах шиповника напоминает «священный аромат», исходящий от «плащаницы», Троицкая колокольня уподобляется «розовой свече пасхальной» [20, с. 456]. Теперь она является герою как чудесное, священное видение, посылаемое Богом чистой детской душе как утешение в будущих жизненных испытаниях. Мотив «живой» Троицкой колокольни восходит к образу Живоначальной Троицы, соотнесение с «великой пасхальной свечой» связано с воскресением Господа Иисуса Христа. Герой не случайно видит образ Троицкой колокольни перед встречей с отцом. Он словно получает «послание» от Бога о том, что его отец не умрет, так как «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22:31–32).

Мотив изобилия («Куда ни глянь – все рожь, нынче хлеба богатые», «рожь льется») [20, с. 448] сопровождает образ Троицкой дороги. Идиллический пейзаж в повести не всегда сохраняет свою целостность, реальные события разрушают его очарование. Молния и гром прерывают безмятежный путь паломников, вызывая сильный страх. Восприятие молнии и громовых раскатов героем-ребенком овеществлено, уподоблено обычным, знакомым предметам: «будто огненная веревка, спуталась и ушла под тучу», «словно шары катает» [20, с. 455]. Образ дождевой тучи в детском представлении обретает облик сурового «Господа Саваофа», которому возносит молитвы народ, ее «белые клочья» напоминают «бороду» [20, с. 455]. Дождь, пришедший на смену изматывающей жаре, приносит природе и людям бодрость, свежесть, воспринимается как «благодать Господня» [20, с. 455]. Мотив сказочности окружающего пейзажа проявляется в описании «темных боров», воспринимаемых героем-ребенком «самыми страшными местами», а деревню Кашеевку (в самом ее названии заложена связь с волшебной сказкой) – пространством, угрожающим гибелью от людей («где зарезали щепетильщика») или животных («медведя видели») [20, с. 453]. Эпизоды венчает счастливый сказочный финал, все угрозы и опасности оказываются мнимыми, придуманными, вызванными народными слухами, искажающими реальные события.

По мере приближения паломников к Троице-Сергиевой Лавре усиливается мотив сакрализации окружающего природного мира. Все, что видит вокруг себя юный герой, обретает характер святости, так как места, мимо которых он проходит, «исхожены стопами Преподобного»: можжевельник «пахнет душистым ладаном», «ночнущки-любки» напоминают «тонкие восковые свечки» [20, с. 453]. Сад около дома игрушечника Аксенова обретает свойства «райского» с обязательными мотивами изобилия и красоты: «Сад – и конца не видно <...> крыжовник <...> шиповнику сколько хочешь <...> и вишни, и яблони, и сливы <...> ну чего только душа желает» [20, с. 476–477]. И. А. Ильин писал: «Богомолье! <...> мы научились видеть Бога – и в ее (России – Е. Ш.) природе, и в ее истории, и в осевших гнездах ее праведности (от Киевской лавры до Китежа, от Соловков до гор Кавказа)» [21, с. 52].

Вначале описание Посада содержит черты реального хронотопа, герой отмечает пространственные детали обычного провинциального города, напоминающего деревенский пейзаж: «домики», «садочки», «огороды с канавами», «тихие улицы в мягкой травке» [20, с. 464], окруженные лопухами и крапивой, пожарную каланчу. Мотивы тишины и покоя, сопровождающие образ Посада, описание неторопливого, размеренного бытия местных жителей, противопоставляют провинциальный город шумной, неугомонной Москве: «торопиться некуда, не Москва» [20, с. 465]. Однако мотив идеализации постепенно становится преобладающим, на что указывала Е. Н. Давыдова: «Идеальность и мифологичность мира <...> возникает в повести в связи с использованием И. С. Шмелевым традиции идиллии» [11, с. 48]. В описании посадской гостиницы основными цветами являются белый и золотой, символизирующих чистоту, «устремленность к духовной простоте» [23, с. 16] и святость места («белое здание», «старичок в белом подряснике и камилавке», «белые занавески», «белый клубок

архиерея», «золотые покои», «золотые запонки», «золотой венчик», «полоса золотого цвета») [20, с. 480–481]. Такое «сочетание бытовизма со своеобразной идеализацией действительности» является яркой «самобытной чертой» [24] художественной манеры писателя.

Центром Посада является Лавра с «розоватой колокольной-Троицей», «видной отовсюду» [20, с. 480]. Вместе с тем образ Троицкой колокольни, увиденный ребенком в реальности, сохраняет прежние черты одухотворенности, выраженной в мотивах света и блеска, символике розового, голубого и золотого цветов. Образ-мотив золотого цвета получает интенсивное развитие в метафоре льющегося золота, ребенку представляется, что от колокольни изливается ослепляющий Божественный свет. В детском восприятии Посад быстро утрачивает признаки бытового пространства, образ «живого» Преподобного наполняет его пасхальной радостью и верой в то, что смерть побеждена Господом и всех ожидает будущее воскресение.

В Посаде герой встречается с отцом, посещает вместе с ним Лавру, припадает к мощам святого Сергия Радонежского. В образе героя отражены черты реального отца писателя Сергея Ивановича Шмелева. Образ отца в восприятии любящего сына неразрывно связывается с описываемым сакральным пейзажем, наполняется пониманием его неизбежной утраты и надеждой на встречу в инобытийном пространстве. Запахи «жары и земляники», седла, флердоранжа, «розовые стены» Лавры, ее «синие купола со звездами», Святые ворота, благовест, от которого «дрожит земля», «белые, голубые, розовые церкви», простор и звон, «остро кричащие стрижи», реющие ласточки, «хлебный дух теплый», исходящая «свежесть» от лаврского цветника, вода, «бьющая из Креста» [20, с. 483–484], – все это в представлении маленького героя сливается в единый одухотворенный образ любви, красоты и света.

Особенности видения ребенком окружающего пейзажа, отмеченные выше, проявляются и в изображении Троицкого собора, включающего черты реального («маленькая белая церковь с золотой кровлей», внутри «темно и душно», «мерцает позолота и серебро», «золотятся-мерцают венчики», «пылают свечи», «голубоватый ладан») [20, с. 485] и сакрального пространства. Эмоциональное мироощущение мальчика выходит за пределы обыденности, в его воображении голуби, воркующие под крышей храма, являются воплощением Святого Духа, а образ Троицкого собора обретает высокое духовное значение, поскольку там находятся мощи Преподобного, сила молитвы которого способна вывести человеческую душу из греховной «темницы» к Божественному свету, одарить душевным и телесным здоровьем. Даже «квасная» в детском восприятии напоминает церковь, в этом «святом» месте стены увешаны иконами, пахнет хлебом, а сам квас является «освященным, благословенным» [20, с. 487].

Завершающая глава повести («Благословение») строится вокруг старца Варнавы – «солнышка Господня» [20, с. 510–511]. Д. В. Макаров указывает, что «композиционно повесть построена как восхождение героев на свой Фавор – к видению Божьего Света» [14, с. 8]. Старец Варнава связан с образом света, герой не может смотреть на человека, при жизни достигшего святости, ослепительно прекрасного в своей вере и духовной любви. И. С. Шмелев «создает образы праведников, опираясь на эстетическую традицию православия изображать святых и праведников в сиянии света» [25].

Пейзажные характеристики пространства, окружающего старца Варнаву, сплетаются с мотивами простоты, тишины и образом Преподобного. Как святой Сергей Радонежский жил в простоте («старенькая риза Преподобного, простая, синяя, без золотца», «деревянная ложечка его»), так и старец Варнава, полный глубокого смирения, обитает в маленьком «сером домике», к которому ведет «тихая» «святая дорога» [20, с. 507–510]. Жизнь обоих старцев проходила на лоне прекрасной благодатной природы, наполненной «богатыми лугами с цветами, крупными ромашками и колокольчиками», от которых «священным пахнет» [20, с. 509]. Автор подчеркивает,

что прежде всего их молитвенный подвиг освятил окружающий мир, приблизил его к райскому Эдему, очистил от греха и духовной нечистоты.

Итак, детский взгляд на окружающий природный мир совмещает в себе реалистический и идеальный планы. Родной пейзаж в глазах маленького героя не только поэтизируется, но и одухотворяется, обожествляется.

Восприятие автором-повествователем пейзажа в тексте

Приближение к финалу повествования (глава «У Троицы») характеризуется сменой повествовательного дискурса, взрослый автор выступает на первый план, насыщая текст картинными-воспоминаниями, являющимися неотъемлемой составляющей национального пейзажа: «я», отец, просфора, столы, служки, девушки, старушки-паломницы, гусиные перья, которыми пишут записки «о здравии» и «об упокоении». Своеобразным «сигналом» переключения повествовательных ракурсов в тексте становится фраза «розовый свет далекого» [20, с. 495]. Образы-мотивы розового и белого цвета получают новую семантику, включаются в ведущий ностальгический мотив авторского дискурса. Воспоминания зрелого повествователя детализируются, содержат перечисление «розовых сучков на лавках и на столах», «чистых рук девушек, несущих бережно просфирки» [20, с. 495–496]. Образы-картины авторского дискурса в изобилии насыщаются визуальными («розовая на мне рубашка», «розоватый пиджак отца», «розовато-пшеничная просфора», «белые узелки», «белые платочки девушек»), обонятельными («пряный воздух, веющий от душистых квашней в просфорной») и акустическими образами («шорох и шелест» от гусиных перьев) [20, с. 495–496]. Настойчивый повтор фраз («все и доньше вижу, слышу и чувствую», «все и доньше вижу») [20, с. 496] ориентируется на передачу мыслей и чувств автора, выражающих идею любви к России, всегда живущую в сердце.

Ностальгический мотив находит выражение в образах дымки и тумана, наблюдаемых в повествовательной структуре произведения: Москва-река «в розовом туманце» (глава «Москвой»), деревня «словно дрожит на воздухе», Троицкая колокольня «сияет-дрожит» (глава «На святой дороге»), «бьется-дрожит в глазах» (глава «У креста»). Реалистическая интерпретация описываемых визуальных образов (состояние жары, испарения от земли, усталость юного паломника) обретает условный характер благодаря авторскому дискурсу. Произведение прочитывается как картина-воспоминание, увиденная с ретроспективной позиции автора-повествователя, чей взгляд затуманивается слезами любви и благодарной памяти. Следовательно, автор-повествователь, вспоминая о родной природе, неразрывно связывает ее с образом ушедшей Родины. Вследствие этого пейзаж окрашивается ностальгическими мотивами.

Заключение

Задачи, определенные в начале исследования, получили свое решение. Во-первых, своеобразие хронопической структуры повести И. С. Шмелева «Богомолье» определяет образы пути и летней природы. Во-вторых, взгляд на национальный пейзаж в произведении дан с двух ракурсов – героя-ребенка и автора-повествователя. В-третьих, для детского восприятия окружающего мира природы характерно совмещение двух планов – реалистического и идеального. Здесь важными оказываются мотивы тишины (покоя), радости (радостного восхищения окружающим миром), чуда, сказочности, одухотворенности. Перед читателем разворачивается картина неподдельного, искреннего детского изумления перед красотой природного мира. Пейзажные образы солнца (света, ослепительного блеска) являются сквозными в повествовательном дискурсе героя-ребенка, близко перекликаясь с мотивом радости и образом «золотого» детства. Значительная семантическая нагрузка заключена в колористической гамме природоописаний, преимущественно выдержанной в розово-золотых, белых и синих тонах, воплощающих значение красоты и освященности Божьего мира. Образы птиц, животных, насекомых интенсивно включаются в повествовательный план героя-ребенка. Пейзаж выдержан

в соответствии с народными представлениями, народной речью и образностью. Художественный прием противопоставленности пространственных образов (Яуза в Москве / Яуза на Троицкой дороге, Москва / Посад), используемый автором, подчеркивает «святость» пейзажа Троицкой дороги и Троице-Сергиевой Лавры. Пейзажные детали и образы, сопровождающие бытие святого Сергия Радонежского, тесно соотносятся с пространством, окружающим старца Варнаву, определяя их духовно-нравственное родство и преемственность. В-четвертых, особенностью авторского дискурса повести является обращение к образу любимого отца, связанного с мотивами красоты и обожествленности природного мира. Образ Пасхи и мотив пасхальной радости, характерный для повествовательного плана взрослого автора, акцентирует темы вечной жизни, спасения и воскресения, включенные в христианский контекст.

Л и т е р а т у р а

1. Аникейчик, Е. А. Нравственно-эстетическое значение пейзажа в русской литературе конца XVIII–начала XIX века : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : защищена 13.11.08 / Аникейчик Елена Александровна. – Москва, 2008. – 30 с.
2. Богач, Д. А. Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке / Д. А. Богач // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2017. – № 6 (402). – Вып. 106. – С. 22–29.
3. Борев, Ю. Б. Эстетика. Теория литературы : энциклопедический словарь терминов / Ю. Б. Борев. – Москва : Астрель, АСТ, 2003. – 574 с.
4. Галанов, Б. Е. Живопись словом : Портрет. Пейзаж. Вещь / Б. Е. Галанов. – Москва : Советский писатель, 1974. – 343 с.
5. Гринфельд-Зингурс, Т. Я. М. Пришвин и Природа. К развитию пейзажа в прозе XX века : монография / Т. Я. Гринфельд-Зингурс. – Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2017. – 329 с.
6. Гурленова, Л. В. Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х годов / Л. В. Гурленова. – Сыктывкар : СГУ, 1998. – 179 с.
7. Гурленова, Л. В. Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х годов : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Гурленова Людмила Викторовна. – Сыктывкар, 1999. – 389 с.
8. Дьякова, Т. А. Историко-культурная семантика и поэтика пейзажа : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологических наук : защищена 17.10.2005 / Дьякова Тамара Александровна. – Воронеж, 2005. – 300 с.
9. Эпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник Вселенной...» : система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. – Москва : Высшая школа, 1990. – 302 с.
10. Баяна, Х. Троице-Сергиева Лавра в художественном восприятии писателей XX века (А. И. Куприн, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Баяна Хатидже. – Москва, 2019. – 32 с.
11. Давыдова, Е. Н. Мотив дома в хронотопической структуре повести И. С. Шмелева «Богомолье» / Е. Н. Давыдова // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 1. – С. 48–60.
12. Коршунова, Е. А. Поэтика прозы И.С. Шмелева : традиции и интертекстуальность : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Коршунова Евгения Александровна. – Харьков, 2010. – 22 с.
13. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев / А. М. Любомудров. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.

14. Макаров, Д. В. Христианские понятия и их художественное воплощение в творчестве И.С. Шмелева : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : защищена 25.12.2005 / Макаров Денис Владимирович. – Ульяновск, 2001. – 194 с.

15. Марченко, Т. В. Символика цвета в прозе И. Шмелева : синее, розовое и золотое / Т. В. Марченко // И. С. Шмелев. Мир ушедший – мир грядущий : сборник статей. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1993.

16. Мерцалова, О. С. Художественная объективация цветового восприятия в произведениях И. С. Шмелева и Б. К. Зайцева : 1920-1930-х гг. : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мерцалова Оксана Сергеевна. – Орел, 2007. 205 с.

17. Руднева, Е. Г. Розовый цвет в «Богомолье» И.С. Шмелева / Е. Г. Руднева // И. С. Шмелев в контексте славянской культуры. VIII Крымские Международные Шмелевские чтения : сборник материалов Международной научной конференции. – Алушта : Таврия-Плюс, 1999. – С. 19–24.

18. Степанова, Н. С. Концепт «золото» в художественном мире И. С. Шмелева (на материале автобиографических книг «Лето Господне», «Богомолье») / Н. С. Степанова // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Лингвистика и педагогика. – 2018. – Т. 8. – № 4 (29). – С. 82–89.

19. Смирнова, М. Г. Пути земные / М. Г. Смирнова // Духовный путь Ивана Шмелева : статьи, очерки, воспоминания. – Москва : Сибирская Благовонница, 2009. – С. 134–170.

20. Шмелев, И. С. Собрание сочинений : В 5 т. Т. 4. Богомолье. Романы. Рассказы / И. С. Шмелев. – Москва : Русская книга, 1998. – 560 с.

21. Ильин, И. А. «Святая Русь». «Богомолье» Шмелева / И. А. Ильин // Духовный путь Ивана Шмелева : статьи, очерки, воспоминания. – Москва : Сибирская Благовонница, 2009. – С. 48–58.

22. Тыщук, О. А. Эстетические функции пейзажа в художественной прозе А. И. Солженицына : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тыщук Ольга Анатольевна. – Армавир, 2006. – 18 с.

23. Мерцалова, О. С. Религиозная репрезентация цветового компонента в эмигрантском творчестве И. С. Шмелева / О. С. Мерцалова // Святоотеческие традиции в русской литературе : материалы I Всероссийской интернет-конференции с международным участием. – Омск : Вариант-Омск, 2010. – С. 81–87.

24. Дунаев, М. М. Духовный путь И. Шмелева / М. М. Дунаев // Венок Шмелеву. – Москва, 2001. – С. 136–153.

25. Макаров, Д. В. Народный духовник пещер Гефсиманского скита : образ преподобного Варнавы Гефсиманского / Д. В. Макаров // Богословский вестник. – 2020. – № 2. – Т. 37. – С. 324–342.

References

1. Anikeychik, E.A. (2008). *The moral and aesthetic significance of landscape in Russian literature of the late 18th – early 19th centuries*. Summary of Ph.D. dissertation (Philology). Moscow: Moscow State Regional University. (in Russ.)

2. Bogach, D.A. (2017). Problems of understanding the image of nature in literary studies. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 6 (402), pp. 22–29. (in Russ.)

3. Borev, Ju.B. (2003). *Aesthetics. Literary theory: encyclopedic dictionary of terms*. Moscow: Astrel, AST. (in Russ.)

4. Galanov, B.E. (1974). *Painting with words: Portrait. Scenery. Thing*. Moscow: Sovetskiy pisatel. (in Russ.)

5. Grinfeld-Zingurs, T.Ya. (2017). *M. Prishvin and Nature. On the development of landscape in prose of the 20th century*. Saint Petersburg: A.S. Pushkin Leningrad State University. (in Russ.)

6. Gurlenova, L.V. (1998). *The sense of nature in Russian prose of the 1920s – 1930s*. Syktyvkar: Syktyvkar State University. (in Russ.)

7. Gurlenova, L.V. (1999). *The sense of nature in Russian prose of the 1920s – 1930s*. Ph.D. dissertation (Philology). Syktyvkar: Syktyvkar State University. (in Russ.)

8. Dyakova, T.A. (2005). *Historical-cultural semantics and poetics of landscape*. Ph.D. dissertation (Cultural studies). Voronezh: Moscow state University of Culture and Arts. (in Russ.)
9. Epshtein, M.N. (1990). "Nature, the world, the hiding place of the Universe...": a system of landscape images in Russian poetry. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russ.)
10. Bayan, H., Kuprin, A.I., Shmelev, I.S. and Zaitsev, B.K. (2019). *Trinity-Sergius Lavra in the artistic perception of writers of the 20th century*. Ph.D. dissertation (Philology). Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State University. (in Russ.)
11. Davydova, E.N. (2007). The house motif in the chronotopic structure of I. S. Shmelev's story "Pilgrim". *Siberian Philological Journal*, 1, pp. 48–60. (in Russ.)
12. Korshunova, E.A. (2010). *Poetics of prose I.S. Shmeleva: traditions and intertextuality*. Ph.D. dissertation (Philology). Kharkiv: V.N. Karazin Kharkov National University. (in Russ.)
13. Lyubomudrov, A.M. (2003). *Spiritual realism in Russian literature abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulavin. (in Russ.)
14. Makarov, D.V. (2001). *Christian concepts and their artistic embodiment in the works of I.S. Shmeleva*. Ph.D. dissertation (Philology). Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov. (in Russ.)
15. Marchenko, T.V. (1993). *Symbolism of color in the prose of I. Shmelev: blue, pink and gold*. The world gone - the world to come: collection of articles. Simferopol: Tavria-Plus. (in Russ.)
16. Mertsalova, O.S. (2007). *Artistic objectification of color perception in the works of I.S. Shmeleva and B.K. Zaitseva: 1920-1930s*. Ph.D. dissertation (Philology). Oryol: Oryol State University. (in Russ.)
17. Rudneva, E.G. (1999). *The color pink in "Politics" by I.S. Shmelev*. In: *I. S. Shmelev in the context of Slavic culture*. 8th Crimean International Shmelev Readings: collection of materials of the International Scientific Conference. Alushta: Tavria-Plus, pp. 19–24. (in Russ.)
18. Stepanova, N.S. (2018). The concept of "gold" in the artistic world of I. S. Shmelev (based on the autobiographical books "Summer of the Lord", "Politics"). *News of the Southwestern State University*. Series Linguistics and pedagogy, 8(4), pp. 82–89. (in Russ.)
19. Smirnova, M. G. (2009). *Earthly paths*. In: *The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa, pp. 134-170. (in Russ.)
20. Shmelev, I.S. (1998). *Collected works: In 5 volumes*. Volume 4. Bogomolye. Novels. Stories. Moscow: Russkaya kniga. (in Russ.)
21. Ilyin, I.A. (2009). "Holy Rus". "Pilgrim" by Shmelev. In: *The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa, 2009, pp. 48–58. (in Russ.)
22. Tyshhuk, O.A. (2006). *Aesthetic functions of landscape in the fiction of A. I. Solzhenitsyn*. Ph.D. dissertation (Philology). Armavir: Armavir State University. (in Russian)
23. Mertsalova, O.S. (2010). *Religious representation of the color component in the emigrant creativity of I.S. Shmeleva*. In: *Patristic traditions in Russian literature: materials of the I All-Russian Internet conference with international participation*. Omsk: Variant-Omsk, pp. 81–87. (in Russ.)
24. Dunaev, M. M. (2001). *The spiritual path of I. Shmelev*. In: *Wreath for Shmelev*. Moscow, pp. 136–153. (in Russ.)
25. Makarov, D.V. (2020). People's confessor of the caves of the Gethsemane monastery: the image of St. Barnabas of Gethsemane. *Theological Bulletin*, 37(2), pp. 324–342.

ШЕСТАКОВА Елена Юрьевна – к. филол. н., доцент кафедры литературы и русского языка, Гуманитарный институт филиала, Северный (Арктический) федеральный университет в г. Северодвинске.

E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

SHESTAKOVA Elena Yurievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Literature and Russian Language, Humanitarian Institute of the Severodvinsk Branch of the Northern (Arctic) Federal University.